

'кисть', укр. *strán'я*, *stránki* 'отрепье' и др., наиболее вероятной представляется исходная структура корня **strap-* с последующим экспрессивным смягчением.

Включение группы чеш. *sřapiti se*, *třepiti*, *sřap*, польск. *strzępić* и др. и группы рус. *стряпать* в праславянское этимологическое гнездо с корнем **trep-*, естественно, ведет к постановке вопроса о природе начального *s* во всех лексемах этих двух групп: восходит ли это *s* к древнему *s-mobile* или является рефлексом префикса **sъ-*? Категорическое однозначное решение здесь вряд ли возможно. Интересно, что образования с начальным *s* в гнезде **trep-* за пределами рассматриваемых здесь лексических групп вообще отсутствуют. Следовательно, префикс **sъ-* маловероятен. Среди индоевропейских соответствий начальное **s* представлено, кажется, в алб. *shtip*, *shtyp* 'растаптывать, раздалбливать' (Рокорну I, 1094). Поэтому наиболее вероятным представляется сохранение в структуре слав. **str'apa*, **str'apiti* и **str'apati* рефлекса и.-е. *s-mobile*.

Примечания

* Предшествующие статьи этой серии см.: Этимология. 1971 (М., 1973) — Этимология. 1978 (М., 1980); Этимология. 1980 (М., 1982) — Этимология. 1983 (М., 1985).

¹ О суф. *-ux-* в глаголах см.: Słownik prasłowiański I, 51.

² См. также: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. P., 1966, t. III, 298.

³ См. об этом подробнее в связи с рус. арханг. *ускирёк*: Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 125—126.

⁴ См.: Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański I, 49—50.

⁵ Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 12—13.

⁶ Kopečný F. Slavistický příspěvek k problému t. zv. elementární přibuznosti. — В кн.: Языковедские исследования в честь на акад. Ст. Младенов. С. 1957, 379.

В. Э. Орел

О НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЬЕВ

В настоящей работе наше внимание будет сосредоточено на основных путях мотивации и формирования ряда славянских и индоевропейских названий и в *ы* (*Salix*) и связанных с ними наименований некоторых других деревьев. Едва ли требует специальных комментариев то, сколь видное место занимает ива в духовной культуре многих индоевропейских народов, в том числе и славян; однако тесные рамки статьи не позволяют нам предпринять сколько-нибудь обширные экскурсы в эту область¹. Необходимо

подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: роль ивы в духовной культуре как дерева, наделенного определенными магическими или ритуальными свойствами, в целом находится в соответствии с тем значением, которое имеет род *Salix* для традиционной материальной культуры поныне и которого он никогда не утрачивал на пути создания некоторых видов ремесел, в той или иной мере сохраняющих следы связи с плетением. Хотя эти следы «наиболее ярко и полно реконструируются для лексики гончарства, менее четко — для плотничества и минимально — для терминологии ткацкого производства»², именно в этой последней области мы сталкиваемся с переносом названия ивы, ивового прута на названия мотовила, ср. слав. **vidlo*, **vitъlъ*, **vitъlo* (предполагающие более раннее **vitlo*) при греч. ἴτεια 'ива' (< и.-е. **iiteuā*)³ и герм. **wiþiaz* то же (др.-исл. *viðir*) или **wiþið* то же (др.-в.-нем. *wida*, нем. *Weide*); такие же отношения предполагаются, например, и для рус. диал. *воробы* 'мотовило' и слав. **vъrba* 'вид ивы'⁴. Такого же рода случаи можно обнаружить и в терминологии гончарства, и тем более в терминологии собственно плетения, где роль ивы как материала очевидна, ср. хотя бы др.-англ. *weliġ* 'ива' — *wilige* 'плетеная (из ивы) корзина'⁵.

Указанные выше примеры одновременно служат иллюстрацией того, что названия ивы (как и ветки, прута вообще) достаточно часто образуются от глаголов со значениями типа 'вить; гнуть; вертеть'. Хорошо известны и многие другие подобные случаи, однако ими общая картина далеко не исчерпывается; мотивация названий ивы может быть основана на смысловых связях совершенно иного плана. В этой связи особого внимания заслуживают некоторые восточнославянские диалектные факты, уже довольно давно вызвавшие интерес у этимологов. На основании рус. диал. *брѣд* 'лоза', *брѣд* 'ива', *брѣдина* 'ива, верба, ветла', укр. *брѣдина* '*Salix carnea*' восстанавливается праславянский диалектизм **brědъ* 'ива' (ЭССЯ 3, 11—13). Альтернативная реконструкция **brědъ*, также предлагавшаяся (явно или имплицитно) некоторыми исследователями, привела, в конечном счете, к малоперспективным или откровенно тупиковым решениям, породив сопоставления с **briti*⁶ или с **brědъ*/**abrědъ*/**obrědъ* 'фрукты'⁷. Не слишком удачным кажется и предположение о связи с прилагательным **bronъ*, исходящее из реконструкции названия ивы с исходным кратким монофтонгом⁸. Наконец, от этого названия следует решительно отделить укр. *брѣдулець* '*Ledum palustre* L.', связь которого с **brědъ* неоднократно рассматривалась в этимологической литературе (Фасмер I, 210; ЭССЯ 3, 12): *брѣдулець*, по-видимому, является восточнороманским заимствованием и отражает рум. *brăduleț* 'елочка', молд. *брѣдулець* то же, образованное от рум. *brad* 'ель', молд. *брад* то же (ЕСУМ I, 250), ср. также ниже.

Перечисленным выше толкованиям противостоит давно уже предложенная и весьма правдоподобная этимология, связывающая слав. **brědъ* 'ива' с глаголом **bredq*, **bresti* и, следовательно, объединяющая это название ивы со слав. **brědъ* как обозначением

болезненного поведения человека (Berneker I, 83; Trautmann, 36; Фасмер I, 240; ЭССЯ 3, 12). Любопытно, что эта этимология, сохраняя в общем свои очертания, подверглась некоторым существенным модификациям в самой существенной своей части — семантической мотивировке. Если, например, М. Фасмер еще аргументирует связь **bredъ* и **bredq* тем, что «ива растет на сырых местах» (там же), то есть исходит примерно из тех же соображений, которые приводят к сближению слав. **bredq*, **bresti* с тох. В *presciye* 'тина, грязь'⁹, то в более поздних работах семантическая база данной этимологии существенно расширяется: «реальное основание для этого объяснения видят в том, что ива растет на сырых местах, стоит в воде, якобы „бредет“, „бродит“» (ЭССЯ 3, 12). Действительно, именно вторая часть этого толкования, как кажется, и могла стать истинной основой для развития значения 'ива'.

Изложенная выше этимология слав. **bredъ* (во всех значениях последнего) позволяет достаточно определенно судить о том, как это слово соотносится в плане относительной хронологии со сходным образованием с огласовкой **-o-* — слав. **brodъ* (ЭССЯ 3, 36—37)¹⁰. Наличие соотносительного с **brodъ* глагола на **-iti* с тем же вокализмом при огласовке **-e-* в корневом инфинитиве позволяет отнести пару **bredъ* — **brodъ* к тем многочисленным случаям, когда имя с огласовкой **-o-* является несомненно более древним, чем имя с огласовкой **-e-*, объясняемое обычно вторичными преобразованиями под влиянием корневого инфинитива¹¹. В нашем случае на поздний характер формы **bredъ* как будто указывает и наличие у **brodъ* точных индоевропейских соответствий, прежде всего, лит. *brādas* 'брод'¹². Столь очевидных параллелей у **bredъ* нет. Не удивительно поэтому, что О. Н. Трубачев негативно оценивает сопоставление слав. **bredъ* 'ива' с алб. *bredh* 'ель' (ЭССЯ 3, 12)¹³. Имеются, однако, и некоторые соображения, которые мы изложим ниже, в пользу того, чтобы сохранить это сопоставление, хотя и в несколько модифицированном виде.

Албанисты неоднократно обращались к истолкованию алб. *bredh*, однако далеко не все предлагавшиеся этимологии можно признать удовлетворительными. Верное решение относительно *bredh* может быть получено только в том случае, если оно будет опираться на корректную праалбанскую реконструкцию, которая в данном случае невозможна без учета того факта, что из праалбанского название ели было заимствовано в восточнороманский, ср. рум. *brad*, молд. *brad* то же¹⁴. Эти восточнороманские формы в соединении с некоторыми сведениями об албанской морфологии и фонологии (широкое распространение в албанском сингуляризованных форм множественного числа с умлаутом **a > e*¹⁵, переход интервокального праалб. **-d-* в *-dh-*¹⁶) приводят к однозначной реконструкции праалбанского названия ели как **brada*¹⁷. Такая реконструкция, в свою очередь, исключает всякую возможность связать *bredh* с индоевропейским названием березы (Meyer, 45)¹⁸ или уж тем более принять сопоставление алб. *bredh*

с др.-нсл. *barr* 'Tannennadel' (?), выводя *breth* из **bres-d(h)-* или **bros-d(h)-*¹⁹. Невозможно согласиться и с мнением, согласно которому в составе *breth* следует выделять суф.- *dh-*²⁰, так как при этом опираются на гапакс *bre* (Me yer, 45), за которым на самом деле скрывается гег. *bren(ē)* 'прут' — слово, формально и семантически близкое слав. **brěd-/ *bręd-* 'побег, растение' и фонетически тождественное лит. *brandà* 'зрелость, спелость' (ЭССЯ 1, 49).

Реконструированная выше праалбанская форма **brada* в фонетическом отношении является полным и единственно допустимым соответствием слав. **brodъ* и лит. *brādas*, восходя вместе с ними к и.-е. **bhród(h)os*. Это тождество отнюдь не ограничивается только фонетическим аспектом, охватывая также словообразовательные отношения, поскольку в албанском (подобно славянскому и балтийскому) сохранился мотивирующий глагол *breth* 'брести; прыгать', продолжающий праалб. **brada* из и.-е. **bhréd(h)ō* (Pokorny I, 164). Заслуживает особого внимания тот факт, что, образуя албано-балто-славянские изоглоссы как в глаголе, так и в отглагольном имени (в связи с последним упомянем еще дак. **brad*²¹), эти формы явно противостоят отглагольным образованиям с нулевой огласовкой в других индоевропейских языках, вроде греч. *πῶρδος* 'перевоз'. Наконец, говоря о морфонологическом аспекте нашего сопоставления, нельзя не отметить, что алб. *breth*, мн. ч. *bretha* восходит к праалб. **brāda, *brādā*, то есть к подвижному акцентному типу В, который регулярно соответствует индоевропейским баритонированным именам²²; между тем, слав. **brodъ* и лит. *brādas* указывают именно на баритонезу исходного и.-е. **bhród(h)os*²³.

Дело, однако, не исчерпывается глубоким фонетическим, морфонологическим, словообразовательным сходством, подкрепляемым и арсальными характеристиками лексемы. Принимаемая нами этимология алб. *breth* позволяет предположить, что на албанской почве действовала примерно та же своеобразная модель мотивации, что и в случае со слав. **brodъ*, и одновременно уточнить некоторые частности, связанные с этой моделью. Для ели — в отличие от ивы — любовь к сырым низинам совершенно нехарактерна, однако и для ели, и для ивы в равной мере типично произрастать («брести») вдоль речных берегов, с тем единственным отличием, что ели свойственно избирать высокий берег (в случае горных рек и потоков крутые берега разумеются сами собой). Эти особенности ели и позволяют видеть в ее албанском названии производное от глагола со значением 'брести'. В этой связи заслуживает внимания еще одно обстоятельство: отождествление слав. **bredq, *bresti* 'брести, переходить вброд' и лит. *brendù, brìsti* 'идти вброд' с алб. *breth* 'брести; идти вброд; прыгать' проливает определенный свет на первоначальную семантику этого глагола. Как идти вброд, так и прыгать, в сущности, значит особым образом д в и г а т ь с я, в ы с о к о п о д н и м а я н о г и. Этот смысловой элемент, как нам кажется, также связан с возможностью обозначения таких деревьев, как ива (способная расти непосредственно из воды) и ель

(с ее неглубоко залегающей, часто выходящей наружу корневой системой), и нам придется вернуться к этой проблеме ниже. Пока же целесообразно рассмотреть вопрос о том, существуют ли еще другие названия ивы, образованные исходя из того же принципа.

Основным славянским названием ивы является, как известно, *jъva. Этимологическое истолкование этого слова вызывает определенные затруднения. Обычно слав. *jъva рассматривается как производное от прилагательного со значением 'красноватый, пестрый', реконструируемого как и.-е. *ei- (Фасмер II, 113; Роконгу I, 297), поскольку древесина ивы имеет красноватый оттенок. Эта этимология, однако, вызывает определенные возражения как общего характера (ива — в самую последнюю очередь строительный материал, а для пород деревьев, не поставляющих строительной древесины, цвет ее является малосущественным признаком), так и более конкретные, связанные с тем, что в словообразовательном плане прилагательные со значением 'красноватый, пестрый', производные от *ei-, весьма далеки от прототипа, предполагаемого для слав. *jъva, ср. др.-инд. éta- 'пестрый' и под. (повидимому, в этом направлении указывают и критические замечания Фриска: Frisk II, 14, 343).

Основа другого объяснения была заложена В. Махеком, который сопоставил слав. *jъva с греч. ἵτέα, тем самым предположив связь славянского слова с и.-е. *uī- : *uei- 'вить'; при этом отражение старого начального *u Махек видел в польск. диал. wiwa 'ива' (Machek² 230). Этимология Махека была несколько модифицирована О. Н. Трубачевым, полагающим, что слав. *jъva через промежуточную стадию *eiūā восходит к и.-е. *ueiūā, утратившему начальное *u вследствие ранней диссимиляции (ЭССЯ 8, 249). Это толкование распространяется О. Н. Трубачевым и на все родственные формы других индоевропейских языков (см. ниже). Изложенная этимология несомненно имеет свои сильные стороны (в частности, она позволяет объединить славянское название ивы с греческим и германским) и представляется весьма убедительной в семантическом отношении, поскольку «для ивы прежде всего характерна гибкость ветвей» (Там же). Однако принятие этого толкования потребовало бы, как кажется, слишком значительных жертв в том, что касается фонетической строгости, не говоря уже о словообразовательном аспекте проблемы, поскольку желательно было бы иметь примеры и.-е. *uei- с суффиксальным *-u- в других, более близких к исходному значениях.

Сказанное, как нам представляется, позволяет снова поставить вопрос об этимологии слав. *jъva. При этом представляется целесообразным, оставив на время вопрос о внешних связях славянского слова, обратиться пока к поискам решения исключительно на славянском материале и в духе тех моделей мотивации этого названия, которые мы рассматривали выше. Такой подход позволяет нам прежде всего поставить вопрос о возможности генетических связей *jъva со слав. *jъdъr, *jъti. Соотносительность

*jъva и *jъti уже не может показаться удивительной на фоне сказанного выше по поводу слав. *bredъ и алб. bredh. Это предположение получит доказательную силу, если мы обратимся к этимологии омонимичного слав. *jъva, отраженного в болг. ива, ива 'край ткани по длине', ивица 'длинная, узкая полоска, лента; шерстяной узкий пояс', с.-хорв. ива 'край, кайма ткани', ивица то же (ЭССЯ 8. 249—250)²⁴.

При том, что авторы некоторых славянских этимологических словарей вообще воздерживались от всякого объяснения слав. *jъva 'полоска, кайма' (Berneker I, 439; Skok I, 739), это слово получило целый ряд различных толкований. Некоторые из них вряд ли заслуживают разбора²⁵; с другой стороны, обращает на себя внимание объяснение южнославянских слов как заимствований из тур. yiv 'желоб; нарезка; шов' (БЕР II, 3)²⁶. Тем не менее, эта этимология, по-видимому, должна быть отклонена, поскольку она, по справедливому замечанию О. Н. Трубачева, «не объясняет всех значений и прежде всего — значение 'длина, длинный'» (ЭССЯ 8, 250). На этом основании О. Н. Трубачев, опираясь на сближение К. Буги с лит. диал. ievà 'гуж'²⁷, предлагает рассматривать слав. **jъva 'полоска, кайма' как продолжение особого производного *eiĭā от *ei- 'идти', то есть объясняет *jъva 'полоска, кайма' так же, как мы выше пытались объяснить *jъva 'ива'. Принимая этимологию О. Н. Трубачева, мы должны теперь совершить последний шаг — рассматривать лексемы *jъva I и *jъva II как квазиомонимичные, то есть генетически тождественные. Сходное решение было implicite избрано Френкелем, собравшим этимологическую информацию относительно лит. (j)ievà под одним заглавным словом (j)ievà 'Traubenkirsche, Faulbaum, Kummtriebmen' (Fraenkel I, 183).

Таким образом, как славянский, так и балтийский материал приводит нас к реконструкции и.-е. *eiĭā²⁸, производного от *ei- 'идти', в значении 'дерево (ива, черемуха); длинная полоса'. Отметим, кстати, что помимо предполагаемого нами основного направления в развитии значения, приведшего, в конечном счете, к названию дерева, вполне вероятно и действие в данном случае иных, второстепенных семантических факторов: это вытекает, в частности, из производственной значимости д л и н н ы х (а потому удобных для плетения) ветвей ивы.

Некоторые дополнительные подтверждения нашей этимологии мы получим, обратившись к неславянскому материалу. Наиболее существенным представляется в этой связи то, что предложенная выше формальная и семантическая реконструкция открывает, при наличии общего стержневого значения, возможности для всякого рода вторичных ассоциаций и мотивировок, что мы в некоторых случаях надеемся показать особо.

Ближайшие к славянским формы, обнаруживающие, однако, значение 'черемуха', находим в балтийском, где представлены лит. ievà, jievà²⁹ и лтш. iĕva (о семантике литовского слова, в том числе, о значении 'гуж' см. выше)³⁰. Изменение значения следует,

вероятно, объяснять как балтийскую инновацию, в основе которой — определенное сходство черемухи с ивой в том, что касается потребности во влаге и типичных мест произрастания³¹. К основе **iċo-* восходит, по-видимому, кельтское название тиса, вечнозеленого хвойного дерева *Taxus*³², ср. др.-ирл. *éo*, валл. *ywen*, брет. *ivin*.

Сюда же обычно причисляют германские названия тиса: др.-исл. *ȝr*, др.-в.-нем. *iwa*, *iha*, *iġo*, др.-англ. *iw*, *ēow*, *ēoh*, др.-сакс. *iĥ* (Pokorny I, 297)³³. Общее сходство этих названий с перечисленными выше формами индоевропейских языков побуждало исследователей постулировать здесь (в обход историко-фонетической реальности) вариативность велярного и лабиального расширителей³⁴. Однако эта точка зрения никак не может быть поддержана, поскольку внутригерманская реконструкция может указывать только на лабиовелярный в инлауте, который однозначно определяется из сопоставления др.-исл. *ȝr* — др.-англ. *ēoh* — др.-сакс. *iĥ* и из др.-в.-нем. *iha*³⁵. Таким образом, для германского следует реконструировать **iĥwaz*, **iĥwo*/**iġwaz*, **iġwo*, что, на наш взгляд, исключает сопоставление с продолжениями **eiċā*, **eiċo-*.

Другие индоевропейские лексемы, традиционно соотносимые со славянскими, балтийскими и кельтскими фактами (Pokorny I, 297), обнаруживают огласовку **-o-*. Их генетические связи вызывают значительные сомнения. Без особой уверенности рассматривается как родственное греческое название рябины *ῥα*, *ῥη*, *οῖη*, которое может продолжать **oiċā* (Frisk II, 14, 343: не исключает возможности древнего заимствования; Chantraine III, 770—771). Допустимо рассматривать в качестве точной параллели греч. *ῥα* < **oiċā* лат. *iwa* 'гроздь, виноградная кисть' (Walde—Hofmann II, 849), что, конечно, во всех отношениях правдоподобнее, чем выведение *iwa* из **iġg*³⁶-, якобы находящегося в апофоническом чередовании с **ō(u)g*³⁷-, откуда лит. *iōga* 'ягода' и под.³⁶ Наконец, как производное от той же основы **oiċiīā* может трактоваться арм. *aigi* 'виноградник'³⁷. Названные формы не только отстоят от продолжений **eiċā* в отношении фонетических и морфологических черт, но и обладают весьма своеобразной семантикой, с очевидностью относящей континуанты **oiċā* к сфере средиземноморского виноградарства. Эти соображения не позволяют с уверенностью связывать **eiċā* и **oiċā*, что дополнительно подчеркивается их лингвогеографическими характеристиками³⁸.

В этимологической литературе высказывалось предположение о связи с **eiċā* хеттского названия вечнозеленого дерева *eiā*³⁹. В любом случае, общим у **eiċā* и *eiā* может быть только элемент *ei-*, так как непосредственное развитие **eiċā* > хетт. *eiā* фонетически недопустимо. В связи с этим от указанного сравнения лучше воздержаться.

Таким образом, несомненное генетическое тождество охватывает только славянские и балтийские континуанты и.-е. **eiċā*, **eiċo-*. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что эти формы не стоят среди вероятных производных и.-е. **ei-* 'идти'

изолированно: им соответствуют образования от *ei- с суффиксальным *-u-, сохраняющие значения, более близкие к первоначальной глагольной семантике *ei-. В этой связи следует прежде всего назвать литовские сложения со вторым компонентом *-eiva*, ср. *péveiva* 'проходимец', *atéiva* 'пришелец' (также *ateivis*), *karéiva* 'войка' (также *kareivis* 'солдат'), *vertéiva* 'делец, деляга', *stipréiva* 'силач', *mandréiva* 'франт', *greitéiva* 'быстрый человек' и под.⁴⁰ Эти сложения вполне прозрачны, и некоторые из них соотносятся с соответствующими префиксальными глаголами, ср. *péreiti* 'перейти, пройти', *ateiti* 'прийти' и под. Отражение того же индоевропейского прототипа можно видеть и в др.-инд. *éva-* 'спешащий, быстрый; бег, ход, путь; способ', *dur-éva-* 'злостный, плохой; злодей'. Формально и семантически дальше отстоит германское обозначение закона **aiwiz* (др. англ. *æw*, *æ*) и другие возможные соответствия (Pokorny I, 296).

Обратив внимание на живую, не утраченную языковым сознанием связь между литовскими *composita* на *-eiva* и префиксальными глаголами на *-eiti*, невозможно не коснуться одного вопроса сравнительной грамматики, рассмотрение которого может привести нас к обнаружению славянского аналога лит. *-eiva*. Анализируя некоторые латинско-славянские лексические изоглоссы, О. Н. Трубачев обратил внимание на полное тождество лат. *venum ire*, *venire* и слав. **veniti*⁴¹. Это послужило основой для нового объяснения славянского глагольного форманта **-iti*, который в некоторых каузативах и глаголах сходной семантики (но не в итеративах, где он идентичен лит. *-yti*) рассматривается как отражение **-ei-*, возводимого, в свою очередь, к и.-е. **ei-* 'идти'; иными словами, в этих случаях **-iti* рассматривается как генетический эквивалент **jeti*. Помимо **veniti* в этой связи можно назвать еще **ženiti* и некоторые другие глаголы того же типа⁴². С другой стороны, уже давно была отмечена связь между инфинитивами на **-iti* и прилагательными на **-ivъ*⁴³, причем последние в осторожной форме сопоставлялись с литовскими прилагательными на *-yras* (ср. *dalyti* 'делить' — *dalyras* 'частичный') и латинскими образованиями на *-ivus* (ср. *nocivus* 'вредный' — **nocire*)⁴⁴. Ввиду сказанного выше, можно предположить, что в тех случаях, когда речь идет не об итеративах, а о глаголах со старой каузативной семантикой, соответствующие прилагательные на **-ivъ* допустимо рассматривать как содержащие некогда полнозначный элемент **eivos*, сходный с разобранным выше лит. *-eiva*. В этом смысле показательны, например, отношения слав. **xodivъ* — **xoditi*, если в последнем корректно реконструировать грамматическое значение каузативности—транзитивности (ЭССЯ 8, 49); аналогичным образом и **gnëvivъ* — **gnëviti* (ЭССЯ 6, 169) и под.

Сделав этот небольшой экскурс, мы возвращаемся к исследованию индоевропейских названий ивы. Рассматриваемый нами круг лексем не позволяет пройти мимо еще одного наименования ивы, в ареальном плане ограниченного узким кругом западных индоевропейских языков. Мы имеем в виду лат. *salix*, ср.-ирл. *sail*

(дат. н. *sailig*, род. п. *sailech*), предполагающие н.-е. **salik-* (Pokorny I, 879)⁴⁵, и герм. **salxō* (др.-в.-нем. *salaha*, др.-англ. *sealh*), **salxjōn* (др.-исл. *selja*), отражающие **sal(i)k-*⁴⁶. В большинстве своем, этимологии этого интересного слова по той или иной причине малоудовлетворительны⁴⁷; это относится и к общепринятому объяснению (Pokorny I, 879)⁴⁸, которое, как замечает Шпехт, обусловлено тем, что «пву как правило называют по ее цвету и блеску»⁴⁹ — это не мешает в данном случае сравнивать и.-е. **salik-* с прилагательными, обозначающими грязно-серый цвет, как раньше не мешало сравнивать синонимичное и.-е. **eiṓā* с прилагательными, обозначающими оттенки красного! Чтобы довершить разбор этой этимологии, заметим, что сама реконструкция цветового прилагательного, по сути дела, фиктивна и опирается на несуществующий или неверно воспринятый языковой материал, в частности, древнеиндийский (ср. Maughofer 460—461).

Между тем, рассмотренные нами выше модели образования названий ивы позволяют достаточно определенно связать и.-е. **salik-* с некоторыми глагольными основами, объединяемыми обычно под реконструкцией **sel-* ‘прыгать’ (Pokorny I, 899)⁵⁰. Сюда безусловно относятся лат. *saliō* то же и греч. ἄλλομαι то же (Walde—Hofmann II, 468; Chantraine I, 63). Что значение ‘прыгать’ является здесь вторичным и появилось благодаря семантическому развитию, сходному с эволюцией алб. *bređh* ‘брести; прыгать’, доказываются кельтскими параллелями вроде ирл. *salt-rait* ‘топтать’, откуда следует первоначальность значения типа ‘двигаться, высоко поднимая ноги; брести’.

И, наконец, последнее замечание. Пристального внимания, как нам представляется, заслуживает тот факт, что все выделенные нами названия ивы, образованные по модели ‘определенным образом двигаться’ > ‘бредущее’ дерево’ > ‘ива’, относятся к сравнительно ограниченному ареалу, примерно совпадающему с понятием «древнеевропейского»⁵¹, куда должны быть включены как славянский, так и албанский. Есть основания полагать, что рассмотренная лексика сформировалась именно в «древнеевропейском» ареале и была необходима носителям индоевропейских диалектов, продвинувшихся на север и северо-запад, вглубь Европы.

Примечания

- ¹ Заметим, что некоторые сюжетные мотивы, связанные с ивой, обнаруживают исключительную стойкость и сохраняются (или возрождаются) также и в близкие к нам по времени эпохи; ср. возникающую в шекспировском «Гамлете» (IV, 7) тему взаимосвязи ивы и смерти, разработанную потом в поэзии — Рембо (*Les saules frissonnants pleurent sur son épaule* [sc. d'Ophélie], *Sur son grand front rêveur s'inclinent les roseaux*), в живописи — Милле.
- ² Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, 19.
- ³ Наличие дигаммы в анлауте подтверждается глоссой γιτέα· ιτέα (Нес.). Реконструкция интервокального **-μ-* иногда подвергается сомнению ввиду распространенности суффиксального *-έα* в названиях деревьев (Chantraine I, 473), ср., однако, исключительно близкие формы вроде др.-прус.

- witwan 'ива' (*Trautmann R. Die altpreussischen Sprachdenkmäler: Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch. Göttingen, 1910, 464.*)
- ⁴ *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 109—112, с некоторыми отличиями в реконструкциях и предположением о семантической эволюции от значения 'ива' к значению 'мотовило' через промежуточную стадию 'ветка, развилка'.
- ⁵ С вторичными изменениями в вокализме (см.: *Onions 1007*).
- ⁶ *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 117—118; *Корнев А. И.* К этимологии слова *бред*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. VII. М., 1972, 104—112 (оба автора смешивают рассматриваемое выше слово с рус. диал. *бред* 'нижняя часть снопа' и другими формами со сходным значением).
- ⁷ *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907, 64; *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. 3. Wiesbaden, 1967, 158—159; *Bezljaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967, 149.
- ⁸ *Moszyński K.* Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957, 240. Автор исходит из предположения, что ива получила свое название по красноватому цвету своей древесины: заметим, что эта точка зрения легла в основу истолкования и некоторых других названий ивы (ср. далее).
- ⁹ *Георгиев В. И.* Балто-славянский и тохарский языки. — ВЯ 6, 1958, 18.
- ¹⁰ При том, что среди рефлексов слав. **bredъ* мы находим и рус. диал. *бред* 'брод в озере', заслуживает внимания то обстоятельство, что некоторые продолжения слав. **brodъ* имеют значения, характерные в основном для **bredъ*, ср. блр. диал. *брод* 'агония' (*Седакова О. А.* Полесское *брод* 'агония' и связанные с ним обрядовые представления. — В кн.: Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, 78—81).
- ¹¹ *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984, 95—96. Специально о **brodъ* см.: *Она же.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969, 21 и 184 сл.
- ¹² *Буга К.* Славяно-балтийские этимологии. — РФВ LXVII, 1912, 232. Об огласовке **o-* в слав. **brodъ* см. также: *Meillet A.* Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. P., 1905, II, 216.
- ¹³ В подавляющем большинстве известных нам работ, в том числе, в работах албанистов (см., например: *Jokl N.* Beiträge zur albanesischen Grammatik. — IF XXX, 1912, 208) и во всех без исключения славянских этимологических словарях источником этого сопоставления считается Meyer, 45. Необходимо подчеркнуть, что в словаре Г. Мейера об этом не говорится ни слова. К сожалению, нам так и не удалось установить, кому принадлежит эта этимология и где она впервые была опубликована.
- ¹⁴ *Rosetti A.* Istoria limbii române. I. De la origini pînă în secolul al XVII-lea. Buc., 1978, 273; *Brâncus Gr.* Vocabularul autohton al limbii române. Buc., 1983, 43—44 (с литературой вопроса).
- ¹⁵ См. в этой связи фундаментальное исследование Э. Чабея: *Çabej E.* Alb. vise 'Orte, Plätze' und die singularisierten Plurale im Albanischen. — LP VII, 1958, 145—200; VIII, 1960, 71—132.
- ¹⁶ *Орел В. Э.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, 22 сл.
- ¹⁷ В принципе так уже *Çabej E.* Op. cit., 87—88. Совершенно неприемлема разрабатываемая преимущественно румынскими учеными концепция, согласно которой рум. *brad* якобы представляет собой вторичное преобразование формы **braz*, — это не более чем «подгонка» румынского соответствия под определенную этимологию алб. *bredh* (к индоевропейскому названию березы).
- ¹⁸ См. также: *Pisani V.* Saggi di linguistica storica. Torino, 1959, 126. Фонетические и морфонологические трудности, возникающие при рассмотрении этой этимологии, были вполне ясны уже Г. Мейеру.

- ¹⁹ Jokl N. Op. cit., 209
- ²⁰ *Samaj M.* Albanische Wortbildung. Die Bildungsweise der älteren Nomina. Wiesbaden, 1966, 121, 123.
- ²¹ *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I. Die thrakischen- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, 93—94. Наличие дакийской параллели особенно любопытно ввиду известных предположений относительно специфических албано-восточнобалканских связей, ср.: *Орел В. Э.* К гипотезе о фракийских реликтах в болгарской апеллативной лексике. — В кн.: *Этимология 1980. М., 1982, 63.*
- ²² *Орел В. Э.* К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений (в сопоставлении со славянскими и другими индоевропейскими языками). — Сов. славяноведение 5, 1982, 83—90; *Idem.* Albanian nominal inflexion: Problems of origin. — *Zeitschrift für Balkanologie XIX, 2, 1983, 121—130.*
- ²³ *Иллич-Свишч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, 140.
- ²⁴ Существенные соображения о роли анализа омонимических пар в славянской этимологии развиты на обширном материале в работе: *Апикин А. Е.* Опыт анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984.
- ²⁵ См.: *Keber J.* Sh. *ivica* 'rob na platnu, suknu ipd.' — *Jezik in slovstvo XVIII, 7—8, 1972—1973, 283—284* (к **jeu-* 'связывать'). И. Кебер ссылается также на оставшуюся для нас недоступной работу Лукича, объясняющего *ivica* из **ob-viš-ica*.
- ²⁶ См. также *Mažuranić Vl.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1975, 440.
- ²⁷ *Буга К.* Славяно-балтийские этимологии. — РФВ LXX, 1913, 253.
- ²⁸ Или, ориентируясь на морфологические гипотезы А. Мейе относительно некоторых названий деревьев, **eiwo-* первоначально женского рода, ср. относительно названия березы: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 277.
- ²⁹ Лит. *jievà* — вариант, отражающий устаревшую орфографическую норму. С лит. диал. *ieva* в акцентологическом отношении согласуется слав. **jьva* 'пва' (*Иллич-Свишч В. М.* Указ. соч., 149—150). Такой ясности относительно **jьva* II, к сожалению нет; заслуживает внимания тот факт, что в болгарских говорах рефлексы **jьva* I и **jьva* II всегда противопоставлены по месту ударения (*úva* — *ivá* или наоборот), что может указывать на позднее введение акцентологической оппозиции для разграничения квазиомонимов.
- ³⁰ Сюда не относятся, вопреки иногда высказываемому мнению (Роконгу I, 297; Топоров. Прус. яз. III, 101), др.-прус. *iuwis* 'тис' и, тем более, литш. *ive* то же (оба слова заимствованы из ср.-н.-нем. *ive* то же), см. *Trautmann R.* Op. cit., 349; *Brückner* 194 и многие другие.
- ³¹ Заметим, что в большинстве своем балтийские соответствия слав. **čertъxa*, **čermuxa* обозначают рябину (ЭССЯ 4, 67—68).
- ³² В том, что касается значения, ср. отношения в паре слав. **bredъ* 'ива' — алб. *bređh* 'ель', ср. также ниже.
- ³³ См. также: Сравнительная грамматика германских языков. I. Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1962, 57.
- ³⁴ *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, 63, 205.
- ³⁵ *Sievers E.* Altenglische Grammatik. Neubearb. von K. Brunner. Halle (Saale). 1951, 209, 222—223; см. также: *Зализняк А. А.* Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. II. — В кн.: *Этимология 1964. М., 1965, 182.*
- ³⁶ *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896; ср.: *Ernout—Meillet*³ II, 1340.
- ³⁷ Лишь недоразумением можно объяснить высказанное недавно предположение о заимствовании арм. *aigi* из сев.-кавк. **ətk*Λ 'сад; виноград', см.: *Николаев С. Л.* Северокавказские заимствования в армянском. — В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. I. М., 1984, 70.*

- ³⁸ Из условной реконструкции **oičā* 'виноградная кисть, лоза' вытекает, по-видимому, необходимость предполагать для греческого вторичное семантическое развитие, достаточно естественно объяснимое в плане реалий. Если все же не полностью отказываться от сопоставления **oičā* с **eičā*, известный интерес могут представить названия виноградной лозы, более или менее определенно образованные от глаголов движения, ср. хотя бы слав. **loza* при **lězti* или алб. *ardhi* при аор. *ardhi* 'приходить, подниматься' (*Orel V. E. Albanica parerga* (Balkan etymologies 44—59). — *Zeitschrift für Balkanologie* XXII, 1986).
- ³⁹ *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания 1а—2. — В кн.: *Этимология* 1971. М., 1973, 298—302. Это толкование, однако, несомненно более удачно, чем сопоставление *eič-* с индоевропейским названием вечности (с еще большими фонетическими трудностями), см.: *Он же е.* Хеттский язык. М., 1963, 28; *Он же е.* Разыскания в области анатолийского языкознания 1. Возможное отражение индоевропейского названия «вечности» в хеттском языке. — В кн.: *Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков.* М., 1964, 40—44; см. также *Friedrich P. Proto-Indo-European Trees.* Chicago, 1970, 125. Критические замечания В. Пизани (*Pisani V. Relitti «indomediterranei» e rapporti greco-anatolici.* — *Annali dell'Istituto orientale di Napoli. Sezione linguistica* VII, 1966, 47) в полной мере могут быть отнесены к его собственному объяснению хетт. *eič-* из **elič-*, отождествляемого со славянским названием ели **edľь* (!).
- ⁴⁰ *Võga K. Rinkiniai raštai.* I. Vilnius, 1958, 260.
- ⁴¹ *Трубачев О. Н.* Несколько древних латинско-славянских параллелей. — В кн.: *Этимология* 1973. М., 1975, 11—12. Сходным образом рассматривается этот вопрос в работе: *Топоров В. Н.* О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. — В кн.: *Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков.* М., 1973, 133—139.
- ⁴² *Топоров В. Н.* Указ. соч., 137.
- ⁴³ *Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen.* Wien, 1875, 223.
- ⁴⁴ Это сопоставление см.: *Brugmann. Grundriss*¹ II, 1, 128—129, а также *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках, 123, 362 сл.
- ⁴⁵ Возможны и некоторые вариации в реконструкции вокализма первого слога; ср. **s^olik* - (*Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave.* I—II. P., 1902—1905, 204), **s_elik* - *Walde—Hofmann* II, 469).
- ⁴⁶ *Meillet A.* Op. cit., 204. Об ареальной характеристике и.-е. **salik*- см.: *Porzig W. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets.* Heidelberg, 1954, 101.
- ⁴⁷ *Sommer F. S. Griechische Lautstudien.* Strassburg, 1905, 112.
- ⁴⁸ См. еще *Schulze W. Kleine Schriften.* Göttingen, 1933, 118.
- ⁴⁹ *Specht F.* Op. cit., 58.
- ⁵⁰ Весьма сомнительна принадлежность к этому корню лит. *sálti* 'таять'.
- ⁵¹ Примерную схему древнеевропейской общности см.: *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — В кн.: *Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1983, 260—261 (карты 1—4).
Автор признателен А. А. Пичхадзе за ценные рекомендации, сделанные при обсуждении данной статьи.